

Как преодолеть идентификационный кризис
Россия в XXI веке

И.Б. ЧУБАЙС

В статье анализируется проблема идейно-идентификационного кризиса, который начался в России в конце прошлого столетия и стал главным катализатором большевистской революции. Между тем, путь Октября оказался тупиковым, и через семь десятилетий привел страну к распаду.

Выход из кризиса автор видит на пути самовоссоединения с исторической Россией. Как распутать узлы, образовавшиеся столетие назад на русской идее, как вписать российскую историческую логику в современность - ответам на эти вопросы посвящена основная часть статьи. Автор аргументированно показывает, почему ключевыми ценностями современной России должен стать историзм, обустройство, демократия, духовность.

Введение

Что такое идейно-идентификационный кризис и когда он начался.

В 1991 г. распался Советский Союз, ибо распался его фундамент - комидеология, система скрытых и явных правил, норм, ценностей, на которых возводилось это государство.

Сначала все были довольны: ведь старые правила большинство общества воспринимало как насильственные и противоестественные. Однако вскоре возникла не существовавшая прежде проблема: да, старые, абсолютно отжившие правила мы выбросили, но никаких новых - нормальных, естественных, морально и исторически оправданных - не появилось. Страна из режима всезапрещения перешла к всеразрешенности, вседозволенности или, попросту, к беспределу. Становилось понятно, что жизнь по законам джунглей вовсе не тождественна, как нас пытались убедить, жизни по законам свободы и демократии (1).

Но, если беспредел - не наши законы, какие же законы наши, какова наша российская специфика, наши подлинные правила, наша действительная система ценностей? Какова, как говорят в России, наша идея, или, как принято писать на Западе, наша идентичность?

Поиск ответа на этот вопрос привел к выводу - идейный кризис начался в России не в 1991 г., а примерно на сто лет раньше, на рубеже XIX и XX вв. Собственно, в то время идентификационный кризис переживала вся Европа. Прежде всего его породил кризис христианства, о чем сообщили Ф. Ницше на западе континента, а Ф.М. Достоевский - в России. Почти два тысячелетия христианский Бог, библейские каноны были для европейцев основой мировидения, мерой всех, вещей, но к концу прошлого века вера неожиданно стала размываться и расшатываться. Необходимо было укрепить старые правила, как предлагал Достоевский (ведь если Бога нет, то все дозволено), или искать какие-то новые, как призывал Ницше. Не удивительно, что во многих европейских странах в начале XX в. стали возникать тоталитарные режимы, пытавшиеся насильственно регулировать и нормировать все то, что раньше естественно и органично регулировалось христианством. На этот путь встали Италия и Португалия, Испания и, конечно же, Германия вместе с захваченными ею странами.

В России также шел энергичный поиск новых ценностей, свидетельство чему и духовный взлет начала века, и проходившие параллельно социальные потрясения. Есть достаточно оснований утверждать: Россия могла найти свой новый маршрут, но вступление страны в Первую мировую войну быстро и резко обострило все наши противоречия. Поэтому вместо глубокой реформации произошла радикальная революция. Представлю этот процесс несколько более подробно.

Русская идея и ее кризис.

Понятие «русская идея» было введено Ф.М. Достоевским и вскоре подхвачено В.С. Соловьевым (2), Н.А. Бердяевым (3) и другими крупнейшими отечественными мыслителями. Однозначное толкование этого термина до 1917 г. не сложилось, а в СССР оно было просто изъято из обращения. Автор провел четыре взаимодополняющих исследования: философский анализ всей российской истории; контент-анализ 1100 пословиц из сборника В.И. Даля (4); анализ семантического поля написанных в XIX в. стихотворений, в названии которых есть слова «Родина», «Россия», «Отечество» и т. п.; исследование всех работ российских философов, в которых предлагается трактовка русской идеи. Это позволило не выдумать, а определить реальное, объективное содержание интересующего нас понятия. Оказалось, что фундаментальные российские правила, российская идентичность - это прежде всего три начала - православие, собирание земель, переросшее в имперскую политику, и, наконец, общинный коллективизм.

Выявив таким образом содержание русской идеи, не трудно заметить, в чем заключался ее кризис, поразивший почти одновременно все три составляющие. Собирание земель, начатое в XIV в. московским князем Иваном Калитой и успешно продолжавшееся полтысячелетия, исчерпало себя ко второй трети прошлого века. Коллективизм, социальной основой которого была община, порожден известной суровостью нашего климата. При скудном плодородии почв и продолжительной зиме заниматься растениеводством легче в условиях взаимовыручки и взаимопомощи. Но к началу века появились новые технологии, новая агротехника, производительность сельского труда заметно выросла. Уравнивание доходов превращалось в тормоз, снижало личную инициативу. Столыпинская реформа, расселение из общины на хутора, переход от мира к семье как социальной основе сельхозпроизводства лишали коллективизм социальной основы. О кризисе

православия, приведшем к появлению нигилистов, бомбистов, террористов, а затем и к распространению атеизма среди значительной части интеллигенции, мы уже упоминали.

Итак, ценностный, идейно-идентификационный кризис налицо. Февральская революция и Октябрьский переворот не были ни случайностью, ни переходом к новой общественно-экономической формации, но являлись попыткой выхода из идейного кризиса. На практике эта попытка означала разрыв с традицией российской государственности. Ленин был, как писали советские энциклопедии, «создателем советского государства», а значит, разрушителем государства российского. На уровне системы ценностей этот разрыв проявился следующим образом.

Экспансия, исчерпавшая себя, была продолжена под флагом неизбежности победы мировой революции. Коллективизм, органично выраставший снизу, был заменен государственным, советским коллективизмом, насаждавшимся сверху. Православие, скреплявшее Россию на протяжении тысячелетия, вместе с другими традиционными конфессиями было выжжено и заменено верой в светлое будущее и коммунизм. Следует уточнить, что обреченность советского государства связана вовсе не с коммунистической идеей, которая сама по себе замечательна, хотя и едва ли реализуема в чистом виде. Проблема состояла в том, что тезис о строительстве социализма в СССР был самой большой мистификацией XX в. Ведь суть социализма по К. Марксу - это отсутствие эксплуатации, отказ от присвоения продуктов чужого труда, т. е. система, при которой каждый получает заработанное. Но расчеты экономистов показали, что эксплуатация в СССР не просто была, ее уровень оказался значительно выше, чем в странах Запада. У нас был и остался по сей день слой, который присваивал чужое, - он назывался номенклатурой, а сейчас переименован в политическую элиту.

Не удивительно, что в ленинско-сталинском государстве важнейшую роль играла комидеология, о которой К. Маркс не написал ни слова. На уровне дефиниций комидеологию, которую никто никогда вразумительно не определял, можно истолковать следующим образом. Это набор методов и приемов по контролю и цензуре всей циркулирующей в обществе информации с целью поддержать миф о строительстве коммунизма. Можно говорить о комидеологии и в широком смысле. Поскольку контроль за информацией не спасал от появления инакомыслящих, то государство переходило от воздействия на информацию к воздействию на граждан, которые отказывались принимать миф о коммунизме в СССР. Проявлением комидеологии в широком смысле стало появление ГУЛАГа, ЧК-НКВД-КГБ, массовые репрессии и т. п.

Итак, попытка создать государство, говорящее одно, а делающее другое, была обречена изначально, но при этом 70 лет пришлось двигаться «не в ту сторону». После распада СССР страна вновь оказалась в идейном смысле в той же точке, в которой была в начале века: мы вновь ищем свои правила и ценности, пытаемся понять, кто мы.

Новая Россия как идея: возможные варианты

Обрести идентичность наша страна может четырьмя способами, причем лишь один из них приемлем. Кратко опишу эти четыре модели.

1. Новая Россия может стать новым, несколько улучшенным изданием СССР. Но этот путь уже привел к катастрофе, повторять его бессмысленно. Попытка реализовать замыслы номенклатуры постоянно порождает взрывоопасную ситуацию.

2. Новая Россия может отбросить свою историю, начать все заново, так сказать «с нуля», при этом в основном копируя Запад. Но даже чужие башмаки никто не носит, а как же можно вталкивать целый народ в чужую систему ценностей? Идеи «правых сил» никак не могут вести к успеху.

3. Новая Россия может не только раздвинуть железный занавес, но и демонтировать красный фундамент, вбитый после 1917 г. Правильная для нас стратегия — самовоссоединение с исторической Россией. Необходимо распутать узлы, возникшие на русской идее, вписать наш опыт в сегодняшний день и продолжить российскую историческую логику. В последние годы в стране возникла новая научная школа, новое гуманитарное направление, получившее название «преемство». Философы, историки, юристы, культурологи этой школы разрабатывают конкретные алгоритмы самовоссоединения. Автор входит именно в это научное направление. В заключительной части статьи будет показано, что означает самовоссоединение, восстановление российской идентичности с точки зрения концепции преемства.

Уточню, что возвращение к себе есть одновременно и возвращение в Европу, ибо историческая Россия никогда не отгораживалась от внешнего мира. В Москве была Немецкая слобода, литовские, польские и другие поселения. Наши предки жили в достаточно открытом обществе.

4. На практике в последнее десятилетие в России осуществлялась попытка идти сразу по трем направлениям - советскому, западному и российскому: и останки Николая II захоронили, и его убийцу в мавзолее оставили. И А.И. Солженицына пытались наградить, и мемориальную доску пламенному борцу с диссидентством Ю.В. Андропову установили. И юбилей КГБ справили, и орден Андрея Первозванного восстановили. Жить без правил невозможно, и потому проблема идентичности, общероссийской идеи становится все более острой и злободневной.

На каких принципах, по каким канонам и правилам должна строиться новая ценностная система? Для самой большой страны мира, для такого разнородного общества интегрирующая система не может быть простой. Уместно говорить о целом древе идей, многомерной системе принципов. На мой взгляд, спланирующая система должна быть трехуровневой: 1) идеи, спланирующие каждый отдельный регион; 2) символы, интегрирующие государство в целом; 3) ценности, соединяющие страну с мировым сообществом.

Интегрирующие идеи должны соединить Россию по трем временным составляющим: связь прошлого с настоящим, интеграция настоящего социокультурного времени и сплочение во времени из сегодня - в завтра, позволяющие правильно и уверенно двигаться из настоящего в будущее. Во всех этих случаях необходимо придерживаться общего методологического принципа - новые идеи формируются не на пустом месте, а исключительно на фундаменте ценностей, которые в России уже существовали. Новые принципы должны так или иначе учитывать прежние. («Учитывать» в нашем случае означает очень многое - это может быть развитие и преодоление, прямое продолжение или выход за рамки и т. д.)

Ценностная система, вектор прошлого

Первая ось древа ценностей - из времени прошедшего. Иначе говоря, мы начнем с учета, инвентаризации и анализа того, что спланивало нашу страну с момента ее зарождения до наших дней. Не трудно заметить: общим для всех поколений, от самого первого до нынешних, является отечественная история. Как я уже говорил, на нашей территории существовали, сменяя друг друга, три различных государства, причем второе - СССР - строилось на максимальном отрицании и противопоставлении первому - Российской империи. Коммунистический бронепоезд перерезал едва ли не все ткани, соединявшие царское прошлое и советское настоящее; у нас были даже две разные науки - история СССР и история России. Могут ли разделенные части срастись? Возможно ли преодолеть российскую разделенность во времени?

И возможно и необходимо. Все, что преодолевает разрыв, что работает на восстановление более чем десятивекового опыта наших предков, восстановление нашей самоидентификации, работает на нас. Надо прекратить думские метания вокруг флага, герба и гимна... Чудо, что, несмотря на все кошмары большевизма, сохранились законные наследники дома Романовых, живые выразители преемственности нашей истории. Надо, наконец, придать им официальный статус, вместо того чтобы поклоняться в центре столицы вечно живому трупу. Для самовоссоединения надо не только написать единую историю. Необходимо сделать ее достоянием общества, частью общественного сознания, более того, активной и приоритетной частью. Если мы хотим вернуться к себе и опираться на весь накопленный за тысячу с лишним лет опыт, в нашей духовной жизни требуется утвердить культ российской истории. Если сказать точнее, нужна не просто история как хронология, нужна определенная ее концепция, нужна историософия России.

Это значит, что все возрастные группы, особенно молодежь, должны получать разнообразные исторические сведения через информационные каналы и образовательные институты. Если с самого детства ребенок будет знакомиться с сюжетами и героями из нашего прошлого, если, кроме школ с физическим, математическим, биологическим и другим уклоном, каждая школа будет еще и школой с историческим уклоном, если на ТВ и в других СМИ мы будем сталкиваться не столько с культом развлечений, сколько с культом собственной истории. Если в нашей литературе и искусстве в ряд классических произведений - «Слово о полку Игореве», «Князь Серебряный», «Борис Годунов», «Петр I», «Война и мир», «Доктор Живаго», «Жизнь и судьба»... - будут прибывать новые и новые, тогда есть шанс вернуть знания и опыт предков, есть шанс понять, кто мы, и восстановить самоидентификацию.

Государство должно привлечь внимание общества к этой проблеме. Пусть для детей появится библиосерия «Моя первая книжка по истории Родины»; власти должны провести конкурс на новый лучший учебник по истории страны для школьников. Если советское студенчество причисывалось под одну гребенку через кафедры истории КПСС и марксизма-ленинизма, то теперь нормальной идентификации поможет толковая, интересная работа по истории и историософии России, которую также можно получить в ходе общероссийского конкурса. Живая содержательная книга по истории России нужна и взрослым, особенно тем,

кто связан со сферой культуры и управления. И здесь нужен конкурс, т. е. гласное, свободное, открытое состязание авторов.

Следует, кстати, заметить, что интерес к исторической теме в литературе в последние годы заметно растет даже без необходимой государственной поддержки, причем такого количества пособий и просто книг на историческую тему, сколько опубликовано после 1990 г., не издавалось за целые десятилетия. Многие возникающие в современной России проблемы кажутся человеку, далекому от истории, новыми и непонятными. В действительности сплошь и рядом речь идет о трудностях, которые умело и эффективно преодолевались еще в прошлые столетия. Русские вне России, сосуществование разных наций и культур внутри одной страны, освоение новых районов, иммиграция в Россию и многое-многое другое - здесь очень полезно знание собственной истории. Не углубляясь в детали, скажу кратко: огромная сила и мощь России заключены в ее колоссальном историческом потенциале. Добавлю к этому, что интерес и уважение каждого человека к прежним поколениям своей семьи может быть дополнением историзма широкого - интереса к прошлому всей страны. Тогда-то у всех нас появится шанс крепко встать на ноги и не повторять прежних ошибок.

В подобной атмосфере возникает новый важный механизм социальной регуляции, который будет работать против асоциального и непатриотического поведения. Полезно поучиться здесь и у других народов, в частности кавказских. Как известно, одна из причин стойкости чеченского сопротивления связана с тем, что в вайнахских тейпах сохраняется культ связи поколений. Норма в чеченской семье - знание 10-15-20, а иногда даже 40 поколений своих предков. Значит, каждый человек, совершающий определенный поступок, сознает, что о нем вспомнят, его поведение будут оценивать и через 300, и через 500 лет и будут его либо воспевать, либо...

Надо еще раз напомнить, что историю неслучайно считают самой важной из наук. Обращение к ней освободило бы россиян от множества повторяющихся по сей день досадных и непростительных ошибок. Мы уже не раз апеллировали к возрасту нашей страны, но и этот багаж можно растратить впустую. Каким наимудрейшим могло быть государство, если бы знало, учитывало, использовало свой собственный двенадцати вековой опыт! Ведь всякий здравомыслящий человек с возрастом, с каждым прожитым годом становится мудрее. Почему же так не происходит с нашим государством? Прежде всего оттого, что исторический капитал остается невостребованным. Без настоящего, всерьез, изучения отечественной истории двигаться вперед так же нелепо, как нелепо поведение миллиардера, забывшего дома кредитки и потому простоявшего неделю на паперти, собирая милостыню.

Продолжим выстраивать древо ценностей. Продолжим обращение к его временному компоненту. Культ единой истории несомненно поможет вернуться к себе, обрести устойчивость. А восстановив историческую связь, посмотрим, как сегодня могла бы работать русская идея, сплывавшая страну многие столетия. Найдем, наконец, выход из того идейного кризиса, в котором Россия оказалась в конце XIX в. и который безуспешно пытались разрешить Октябрьским переворотом. Второе издание одного и того же кризиса, второй его акт, начавшийся после краха комидеологии, должен стать заключительным. Необходимо найти нормальное решение, правильный выход в образовавшемся лабиринте идеи.

Сначала обратимся к русской идее, к ее важнейшей составляющей - православию. Нынешнее стремление властей возродить православие получает общест-

венную поддержку и является вполне разумным. Надо только правильно определить его роль и место. Православие может выполнить важную социокультурную миссию, если духовенство и государственная власть будут соблюдать ряд правил и условий. Демократическое государство обязано одинаково относиться ко всем существующим религиозным объединениям. И тогда православие действительно поможет интегрированию той части общества, которая примыкала к нему в прежних поколениях. С восстановлением буддизма, ислама и других конфессий аналогичный процесс пройдет и в иных социальных слоях.

В многоконфессиональной стране при условии соблюдения равноправия никакое вероисповедание не может быть центральным и превалирующим над другими. Это тем более справедливо по отношению к современной России, где значительная часть общества вообще не разделяет никаких религиозных убеждений. Тот, кто поступает иначе, не сплачивает, а разделяет страну. Между тем подобное утверждение далеко не всеми признается. Здесь вновь возникают споры, и фактически налицо стремление вернуть страну в то положение, в каком она находилась в начале XX в., т. е. вновь воспроизводится идейный кризис, который столь трагически разрешали после 1917 г.

О чем идет речь? По существу - о статусе православной церкви, а формально - о полемике вокруг нового закона о религиозных конфессиях. Осенью 1997 г. Госдума приняла такой закон, а президент его отклонил. Патриарх Алексей II недоволен тем, что закон не действует. Почему? Да потому, что принятый Думой акт представлял православной церкви особый юридический статус, т. е. по существу ставил ее выше других конфессий. Трагическое стремление большевиков продолжить экспансию в стране, которая исчерпала свой имперский потенциал, в иной транскрипции повторяется сегодня Думой и церковными иерархами. Попытка на рубеже нового тысячелетия опять объявить православие главной религией в многоконфессиональном обществе вновь породит и уже порождает социальное напряжение и опасность дезинтеграции. На самом деле, учитывая внутреннюю логику развития страны, православие могло бы первым сделать жест взаимопонимания в отношении других традиционных религий России. Нелепо оспаривать бесспорное - православные ценности стали фундаментом, на котором выстраивалось великое государство, роль православия в нашем прошлом особая. Но сегодня, именно сознавая свою особую роль, оно может помочь верующим других конфессий ни при каких обстоятельствах не оказаться верующими низшего ранга и первым протянуть им руку поддержки.

Православие в России больше чем религия. Это наш алфавит, от которого, в отличие от соседей, мы ни разу не отказывались, наш образ мысли, стиль поведения, культура. Если поставить вопрос более конкретно: что именно утверждает православие, то надо подчеркнуть - это не просто древние обычаи креститься, соблюдать посты или отмечать церковные праздники. Суть православия — утверждение нравственности и духовности. Эти ценности уже давно стали у нас ценностями не только для верующих.

Сравним две культурные традиции - западноевропейскую и российскую. Сразу договоримся, что подобное сравнение не должно носить эмоционально-оценочный характер, его не следует переводить в плоскость категорий «хорошо» - «плохо». Надо проявить максимальную сдержанность и беспристрастность. И российская и западноевропейская культурные традиции отличаются от культур Востока, где исходным является образное видение мира, противостоящее европейскому,

преимущественно рациональному его осмыслению. Европейская идея противостоит восточному образу. Между тем внутри Европы сложилось свое разделение. Для запада отправной стала пришедшая из Рима идея права, российский приоритет - духовно-нравственная идея. А.И. Солженицын в своей Нобелевской лекции отмечал, что герои западной литературы отстаивают ценности власти, карьеры, денег, любви; у нас же положительные герои стоят за нравственность, справедливость и любовь. Близкие мысли есть и у В.М. Шукшина, писавшего, что за свою историю русский народ отобрал, сохранил, возвел в степень уважения человеческие качества, не подлежащие пересмотру, - честность, совесть, трудолюбие и доброту. Можно сказать, что законно-правовое и духовно-нравственное - две координаты, две имманентные традиции европейской культуры.

Отчего так получилось, почему Европа разделилась именно таким образом? Понятно, что подобное деление не абсолютно жестко, что оно является результатом действия множества причин, сталкивающихся в противоречивом историческом процессе. И на Руси, как минимум со времен Ярослава Мудрого, действовал оригинальный свод законов «Русская Правда». Запад знает немало мучеников за справедливость, и все же... запад Европы с эпохи Возрождения утверждал капиталистические отношения. В своей основе, в изначальном замысле этот тип организации прост и прозрачен, как стакан воды. Главный жизненный приоритет — это деньги. Принятие такого ориентира, несомненно, подстегивает экономическое развитие, но может сопровождаться и другими последствиями, например, разрушением межличностных связей и крайним напряжением человеческих эмоций, разрушением сдерживающих норм и правил. Чтобы такой социум не разрушить, необходим какой-то жесткий регулятор. Эту роль успешно выполняет право. Попытка утвердить закон чистогана предпринимается сейчас в России, и в той части общества, которая в этом преуспела, происходят непрерывные разборки, убийства, выплескивание компроматных нечистот... А ведь еще в прошлом веке гениальный Пушкин в «Пиковой даме» показал тот тупик, к которому ведет неуемная погоня за деньгами.

Запад уже к началу прошлого столетия развил механизм сдержек и противовесов, главным элементом которого было право. Западные государства, особенно США, - это прежде всего государства правовые. Американцы стремятся юридически отрегулировать все - от управления страной до управления космическим кораблем. Именно у них были написаны работы, в которых предсказывалось, что будущим американским президентом станет компьютер: ведь все социальные коллизии подчиняются юридическим нормам, а те, в свою очередь, формализуемы и переводимы на язык математики. В космосе права и обязанности астронавтов также четко расписаны, и, если возникает нештатная ситуация, на землю идет команда: «Требуем посадки», после чего происходит досрочное приземление. У наших космонавтов тоже, конечно, есть инструкции и правила, но в экстремальных ситуациях они не требуют приземления а, как говорится, закрывают грудью амбразуру и спасают положение. Еще недавно наша пресса любила употреблять затертое до дыр выражение, на самом деле хорошо демонстрирующее особенности российского культурного склада: «я бы с ним в разведку пошел» (или, напротив, «не пошел»). Трудно даже представить, какое количество страховок, полисов, нотариальных гарантий потребовалось бы западному человеку в аналогичной ситуации. Напомню еще об одной характерной детали. Именно на западе были придуманы брачные контракты, недавно совершенно непонятные россиянам.

От общих положений мы перешли к более конкретным сюжетам, но теперь пора вновь вернуться к теории и сделать выводы. В России право никогда не играло такой роли, как на Западе, ибо оно здесь в подобных объемах просто не требовалось. Духовно-нравственная регуляция всегда была значимей всех иных. К примеру, в прошлом веке большая часть крестьянских бунтов заканчивалась просто-напросто обращением помещика к работникам, т. е. разговором по душам. Отношения между людьми были в нашей стране более теплыми, неформальными, порой, может быть, более человечными, чем на Западе. Неслучайно особое место в российском искусстве занимает балет как сфера, где в наиболее чистом виде воплощается нравственно-эстетический идеал. И за все это мы должны поклониться православной церкви. Сегодня давняя традиция разрушается и задача состоит в том, чтобы этому противодействовать. Разумеется, сегодня тоже очень нужны законы и правовое регулирование, хотя в нашем суровом климате будет намного теплее, если мы сможем сохранить завещанные предками духовность и человечность.

Необходимо уточнить, что на западе Европы тоже никогда не строили чистого, стерильного капитализма: христианские заповеди, социал-демократические идеи поддержки, взаимопомощи, социальных гарантий облагораживали общество, символом которого не может считаться только денежный знак. Да и сам культурный смысл денег там не такой, как у нас. К примеру, немцы после окончания Второй мировой войны много сил и труда потратили на то, чтобы сделать свою марку стабильной, надежной, мировой валютой. Это им вполне удалось, и потому вполне можно понять их переживания, связанные со скорым переходом на евро. Впрочем, в обществах, являющихся относительно молодыми продолжателями западной культуры - в австралийском, американском, социальная значимость денег выше, чем на их исторической родине. Даже искусство носит за океаном преимущественно коммерческий, кассовый, а не исповедально-поисковый характер, как в России. Искусство и наука рассматриваются здесь просто как наиболее рискованные части бизнеса.

Выходит, нам надо стараться не только восстановить связь с прошлым и своими корнями, но и не допустить нового разрыва этой связи, к чему, собственно, ведет реальная политическая практика нынешних властей. Напрашивается также вывод о желательности сближения двух культурных традиций. Тогда западные судьи перестанут сетовать на частые случаи, когда их решения были юридически безупречными, но расходились с моральными ценностями (ведь одно и то же преступление может быть вызвано заурядной распушенностью, а может быть спровоцировано и социальной несправедливостью, тяжелейшими жизненными условиями, в которых оказался человек). И россияне окажутся вполне защищенными не только нравственными, но и правовыми актами. Реальна ли такая перспектива - это вопрос к интеллектуалам и западной и восточной частей континента.

Возрождение религиозных конфессий (надо учитывать и это обстоятельство) может вызвать к жизни и определенные проблемы - ведь центры мировых религий находятся вдали от России. Скажем, подъем католической ветви христианства приведет к тому, что, с одной стороны, наши католики будут чувствовать Россию своим домом и своей родиной, а, с другой стороны, они, конечно же, станут ближе к Риму и Ватикану. Такая ситуация вполне естественна, она существует и в других странах. Поскольку второго Ивана Калиты у нас нет, рассчитывать на

превращение Москвы в мировой религиозный центр не приходится. Правда, имеются иные, сложные, но реалистичные решения. Для того, чтобы ситуация порождала минимальное количество проблем или не порождала их вовсе, было бы полезно учитывать три обстоятельства.

Во-первых, православие, как и все другие конфессии, должно быть вне политики, оно не может быть частью государственного механизма. Между тем усиленные попытки в той или иной форме подчинить церковь государству всем видны. Они крайне опасны, ибо госпрояник так же разрушителен, как и госкнут. Уже в начале нашего столетия православие было не в лучшем положении, но, похоже, некоторые государственные деятели пытаются продемонстрировать, что к концу века церковь будет еще более ангажированной. Достаточно напомнить, что в свое время был отлучен от церкви Лев Толстой, а в 90-е годы публично крещен П.С. Грачев! Повторение подобных действий может нанести невосполнимый урон одной из самых важных наших святынь. Иными словами, конфессии не правящие партии, они интегрируют общество тем сильнее, чем они более самостоятельны и независимы от государства. Необходимо создать условия, при которых манипуляция православной идеей станет невозможной. На церковных иерархах лежит ответственность за то, чтобы отношения между верующими и церковью, между прихожанами и религиозными руководителями никогда не походили на модель отношений, существовавшую между коммунистической идеей и коммунистической идеологией, номенклатурой и обществом.

Во-вторых, выскажу предложение, которое наверняка вызовет недовольство среди консервативных православных верхов. Всякому, кто знает российскую историю, известно, что особая, без преувеличений исключительная роль православия в становлении и развитии государственности в значительной мере связана с тем, что, благодаря принятию этой формы веры, наши предки включились в мировой культурный процесс. Была преодолена известная оторванность и изолированность, православие соединило нас с центрами мировой культуры - Константинополем, Римом, Иерусалимом. Однако развитие отечественного православия вновь привело к, быть может, чрезмерной культурной автономизации, некоторому религиозному изоляционизму. Ныне православие - это на 95 % национальная, российская религия. Греческая православная церковь пошла на ряд компромиссов с католическим Римом, как и некоторые другие церкви, например, украинская униатская церковь.

В итоге Москва осталась почти в полном одиночестве. Конечно, неуместно призывать к оправославливанию католиков или к олатиниванию православных. Но уверен, если эти ветви христианской веры сблизятся, объединят свои усилия, преодолев хотя бы часть разногласий и заключив соглашения на равных, это будет полезно для всех. И тогда вновь, в новом тысячелетии, как и десять веков назад, православная церковь станет важным каналом международной культурной интеграции, а ее статус в этом отношении станет схожим со статусом других действующих в России конфессий. В последнее время усилия по организации переговорного процесса между Москвой и Ватиканом уже реально предпринимаются главами двух христианских конфессий. Поэтому хочется поддержать такое начинание и призвать к тому, чтобы оно не прерывалось и проходило более энергично и интенсивно. Стоит напомнить, что, видимо, первым, кто ратовал за сближение разных ветвей христианства, был хорват Ю. Крижанич, прибывший в Москву в 1659 г. Но по сей день эта идея никак не реализуется.

И наконец, третье обстоятельство. Чтобы разные конфессии содействовали формированию новой ценностной системы, они, оставаясь высшими религиозно-духовными институтами общества, не должны быть ни единственным, ни самым определяющим компонентом нового мировоззрения.

Несколько слов стоит сказать о другой неперемнной составляющей русской идеи - общинности и коллективизме. Могут ли они напрямую включаться в будущую систему ценностей? Мы хорошо знаем, какую доброжелательную общественную атмосферу, какой психологический комфорт и уверенность в себе порождает укоренившееся в обществе чувство коллективизма. Напротив, встретив отчуждение, не получив необходимой моральной поддержки от окружающих, человек нередко испытывает стресс.

Также хорошо известно, что современные западные общества едва ли могли добиться существенных экономических успехов, не культивируя индивидуализма, ведущего к постоянному противоборству и конкуренции с окружающими. Расчет на личную инициативу и активность развивает рынок. Но это общеизвестное со времен М. Вебера и переходящее из книги в книгу суждение стоит уточнить и скорректировать. Дело в том, что реальная картина в разных странах, в разных социальных группах имеет свою специфику. Например, французские социологи показали, что богатые в этой стране ведут себя очень солидарно, поддерживают друг друга, предпочитают селиться рядом, брачных партнеров выбирают из собственной среды, и это только помогает их успеху в бизнесе.

В обществах с разными культурными традициями фактор индивидуализма по-разному влияет на экономические процессы. Например, в США его усиление способствует экономическому росту. В традиционно же коллективистской Японии отношения внутри фирмы напоминают отношения внутри своеобразной большой семьи. Здесь главная забота - оказать поддержку фирме. Принятого в коллектив работника берут практически навсегда, уволить его, все равно что выгнать из семьи. Зато работают японцы ежедневно по 2-3 часа сверхурочно, дополнительно и бесплатно, лишь бы фирма процветала. Так вот, в Японии фиксируемый в последние годы рост индивидуализма ведет к снижению темпов экономического роста. Таким образом, распространенное у нас в результате некорректной экстраполяции идей М. Вебера мнение о том, что коллективизм и рынок несовместимы, ошибочно. Жесткой, прямой корреляции между ними не существует.

В условиях сурового климата и низкой урожайности община была формой социального ответа, социальной компенсацией на вызов природы. Постоянная взаимовыручка страховала и помогала людям сохранить себя. К началу XX в. с появлением новых агротехнологий община стала не нужна. Началась столыпинская реформа и переселение на хутора. С тех пор коллективизм в России является социально-психологической традицией, а не экономической необходимостью.

Однако коллективизм в России по-прежнему сохраняется: каждого нового для нас человека мы оцениваем прежде всего как возможного приятеля, а не как конкурента. Поскольку это качество прошло через столетия и выдержало самые сложные проверки, постольку оно стало нашей глубинной и едва ли не сущностной характеристикой. Его и дальше следует сохранять.

На пути из прошлого в настоящее мы встречаемся не только с тем, что так дорого и что обязательно надо взять с собой. Нас также ждет наследие семи коммунистических десятилетий, преодолеть которое, может быть, труднее, чем пробить туннель в гранитном монолите. Сама по себе коммунистическая идея - это соче-

тание всего самого замечательного и привлекательного, но никто с ней непосредственно дела не имел, посему она остается столь же любопытной, сколь и недостижимой, как, скажем, идея рая.

Зато глубочайший след в жизни нескольких поколений советских людей оставила коммунистическая идеология, построенная на демагогии, обмане, запретах и насилии. Из идеологии взять ничего нельзя, ее необходимо полностью преодолеть. Проблема заключается в том, что через идеологическую обработку прошло все общество; пока меньшинство либо сидело, либо помалкивало, остальные реализовывали себя, добивались успехов, делали карьеру. В то же время возрождение общества и государства невозможно без духовного очищения, признания преступным существовавшего в СССР режима. Но сами себя преступниками люди никогда не считают. Кроме того, преступность режима, конечно, не означает преступности граждан. Ведь и в советское время люди лечили и строили, рожали детей, совершали научные открытия. Во всем этом необходимо разбираться. Нас всех ждет долгое и трудное переосмысление всего происшедшего. Чем полнее мы осознаем глубину постигшей нас беды и чем дальше отойдем от идей и принципов тех времен, тем выше наш шанс быть понятыми и принятыми в мировое сообщество свободных народов. Сделать это на практике неизмеримо сложнее, чем об этом писать. Но иного пути просто нет.

Своеобразным механизмом такого выяснения может стать общероссийская гражданская дискуссия. Нечто подобное происходит в Германии на протяжении почти 50 лет. В 1947 г. немецкий философ К. Ясперс прочитал лекцию и написал брошюру «Понятие вины», ставшую предметом общественного обсуждения. С середины 50-х годов в активную жизнь в Германии входило новое поколение немцев, воспитанных после войны. Они стремились разобраться в произошедшей трагедии, для чего развернули широкие общественные дебаты, продолжающиеся по сей день. В истории не существует абсолютных гарантий против возврата к прошлым ошибкам, но если есть какой-то более или менее надежный механизм, то таковым, пожалуй, и является свободная гражданская дискуссия, из которой каждый участник делает самостоятельные выводы.

Подлинные социальные революции свершаются не на митингах и не на баррикадах, а в душах и в сознании людей. Только тогда, когда каждый из нас осознает, в чем он заблуждался, возврат к прошлому станет невозможен и начнется действительное возрождение России. Мне кажется, это все, что следует сказать о проблеме вины. Хорошо бы услышать иные мнения и начать дискуссию. Впрочем, выскажу еще одно предложение. В послевоенной Германии нашлось немало людей, считавших, что у гитлеровского режима были преимущества. Едва начавшись, дискуссия выродилась сама собой после того, как были открыты скорбные мемориальные музеи в Освенциме, с горой детских туфелек у газовой печи, в Да-хау, Бухенвальде. Общеизвестно, что не все люди реагируют на теоретические аргументы. Когда у нас откроются документальные музеи в психушках и лагерях, отношение к советскому прошлому будет более правильным и более полным.

Неизбежным результатом функционирования коммунистической идеологии стало формирование опасной традиции - неверие власти, ирония по отношению ко всему, что она делает. Конечно же, мы имеем лишь то государство, которое имеем, со всеми его недугами и родимыми пятнами, другой государственной власти у нас нет. Запас ее прочности невелик, и потому нельзя рубить сплеча. Но я уверен, что духовный потенциал российского общества, искусства, культуры должен быть на-

правлен как на высмеивание того, что в поведении нынешних властителей воспроизводит старые стереотипы, так и на поддержку всего, что от них освобождает.

Как уже говорилось, задача преодоления коммунистического туннеля - одна из наиболее сложных. Однако на Руси издавна утвердилась вера в возможность преодоления и спасения. Неслучайно на Западе главный праздник - рождество, а у нас - пасха, т. е. возрождение после распятия. Эсхатологизм - осознание предстоящих тяжелейших испытаний и вера в их преодоление - наша характерная черта, которая должна помочь строить новую Россию.

Но опять-таки здесь надо сделать одно уточнение. Старая идеология, кроме прочего, выполняла роль своеобразного заменителя реальности: то, чего люди не имели и не видели в самой жизни, они получали в виде пропагандистских кино-телеизобилий. Поэтому принятие идеи преодоления не означает призыва к бесконечному и безмерному терпению. Терпение уместно только тогда, когда позитивные изменения начнут происходить в самой жизни.

Итак, пробиваясь через коммунистический туннель, полезно задуматься о прошлом, помнить об эсхатологической уверенности в преодолении и не принимать в новой власти то, что сохраняется у нее от власти старой.

Ценностная система, вектор настоящего

Итак, мы прошли путь из прошлого в настоящее и определили свое отношение к сплывавшим страну идеям. Перейдем к выстраиванию нового вектора ценностной системы. Следующая координата - это не то, что интегрирует разные поколения, а то, что может сплывать всех ныне живущих на все еще бескрайних просторах страны. Вторая координатная ось - это интеграция в настоящем. Очевидно, что всех нас, живущих в этой стране и вне ее, но связанных с Россией глубинно, объединяет язык. Обычно, что имеют, то не ценят. Во всяком случае у нас, пожалуй, получается именно так. А было бы правильнее сформулировать, наравне с культом истории, аналогичный приоритет в отношении родного языка. С особым местом для него в системе образования, определенным временем для этой тематики на массовых каналах, общероссийскими и региональными конкурсами и премиями...

Для чего это нужно? Вам приходилось надолго уезжать из дому? Находясь за границей, вы не замечали, как случайный встречный становится лучшим другом, потому что говорит на том же языке, что и вы? Язык - это основная форма связи со всем своим, самый сильный фактор самоидентификации. Именно поэтому номенклатура стремилась лишить целые народы своего языка, русифицируя нерусских и советизируя русских. После такой процедуры люди превращаются в аморфную массу. Поэтому теперь в стремлении обрести и возродить себя мы должны особое внимание обратить на язык. Стоит напомнить - принятие христианства было столь значимым еще и потому, что сопровождалось обретением своей письменности, сохраняющейся до сего дня кириллицы. Захватившие в начале века власть большевики тоже не забывали о новой самоидентификации, осуществляя языковые преобразования. Они вводили новые слова и отменяли некоторые буквы русского алфавита. Впрочем, реформа алфавита была подготовлена учеными-филологами еще в 1913-1914 гг., но из-за войны ее реализация запаздывала. В 90-е годы во всех республиках СНГ обретение независимости сопровож-

далось особым интересом к языку, сплошь и рядом возникали конфликты из-за стремления ускоренно преодолеть русификацию, и только в России всплеска внимания и интереса к родной речи так и не произошло...

Становление новых государств, преодоление общественных кризисов часто тесно связаны с формированием новых подходов, с новым мышлением, а значит, с новым или обновленным языком. Здесь уместно обратиться к опыту других народов. Известно, что формирование независимого государства Израиль связано с возрождением иврита, становление независимой Норвегии в начале нашего века совпадает с образованием норвежского языка... Интерес к языку стимулирует новые социальные исследования, работает на углубленное самопознание и преодоление духовного кризиса.

Если основание для физической, материальной деятельности - это почва, то основа мыслительной, духовной, интеллектуальной активности - язык. Углубление в язык, этимологический, топонимический, сравнительно-лингвистический анализ - это проникновение в самые основы нашей культурной ориентации и идентификации. Такие исследования для нас крайне полезны. Если врач, пытаясь понять состояние человека, исследует его кровь, то культуролог, стремясь понять состояние общества, должен анализировать язык. К сожалению, изменения, произошедшие в этой области в последнее время, сильно озадачивают. Если в советские годы обществу был навязан идеологический новояз, от которого мы избавились удивительно быстро, то сегодня изменения в языке вызывают беспокойство уже по другим причинам.

На смену прежнему языку идеализации и лжи пришел язык вседозволенности и вульгаризмов. Со страниц газет, с театральной сцены, с телеэкрана звучат сегодня нецензурные выражения. Если поначалу это можно было рассматривать как реакцию на 70 лет ханжеского табуирования, то в настоящее время механизмом, порождающим вульгаризацию языка и мышления, стали вульгаризация и криминализация самой общественной жизни.

Другой, также негативной тенденцией, характерной для нашей речи, становится неоправданно раздутое заимствование иностранных слов, особенно в сфере политики. Именно здесь появились «мэры», правда, в Москве, это очень забавно, есть одновременно и «управы», и «вице-премьеры», «консенсусы» и «электо-раты», «президенты» и «Белые дома», хотя все это легко назвать на своем собственном языке. Даже на милицейской форме можно увидеть нашивки с английскими надписями. Поначалу это опять-таки было связано с тем чудовищным давлением, которое оказывала на психику каждого человека советская тоталитарная система. Идеологизмы, судя по старым анекдотам, сидели у человека даже не в голове, а в печени. Поэтому возникло желание вывернуться наизнанку, сбросить собственную кожу, избавиться от обрыдшего языка и завернуться во что-то чужое, лишь бы стать свободным. Однако этот процесс явно затянулся.

Но есть все-таки шанс, что идеологический шок скоро пройдет, и мы, очистившись, восстановим родной язык. Во всяком случае, такая тенденция наметилась. И будет у нас все больше губернаторов, градоначальников, волостей, земств. Радует возвращение старых русских газетных и журнальных названий, даже в рекламе все чаще появляется наш «Ъ». Кстати, свой язык берегут и в других странах - чувствительные к его засорению пуристы активно выступают в защиту родной речи во Франции, Германии... Однако, думая о чистоте языка, я категорически против изоляционизма и самозамкнутости. Если в русском язы-

ке нет какого-то понятия или это понятие не очень удачное - заимствовать стоит. Так что я за компьютер (ЭВМ явно хуже) и тем более за икебану и караоке по-русски...

Есть известная формула, придуманная фирмами по пошиву одежды: ты - это то, что ты носишь. На самом деле ты - это то, что ты говоришь, как мыслишь. Если наших детей зовут не Ванями и Танями, а Каринами и Максами, если играют они не в матрешки, а в Барби, если пьют они не квас - это финны сохранили у себя квас как национальный напиток, а колу, то и купим мы в магазине не российский калькулятор, а малазийский и писать будем не нашей ручкой, а корейской и поедим в гости не на «Москвиче», а на «Опеле». Если мы хотим остаться самими собой, да еще и восстановить связь с прошлым, сделать это без бережного отношения к собственному языку невозможно.

Сближение с другими странами может идти через изучение их языков, но может и через приобщение к своему. Если в России начнется духовное возрождение, русский язык останется не только в странах СНГ, где он пока сохраняется в силу демографических причин: к нему будут проявлять интерес и другие народы. Для этого нам самим необходимо научиться беречь и ценить язык Достоевского и Чехова, Шукшина и Солженицына.

Перейдем к следующему сюжету, суть которого можно выразить формулой: сначала россиянин, а потом... На сплоченность нашей страны непосредственно влияет еще один фактор - интегрированность или разынтегрированность самого общества. Совсем недавно всех нас считали советскими людьми, носителями самой передовой в мире... С крахом идеологии оказалось, что и советский народ прекратил свое существование. На первый план вышла национальная принадлежность, и теперь невидимая черта разделяет граждан полиэтнического государства. По России прокатилась волна межнациональных конфликтов. Чтобы разобраться в этой проблеме, необходимо для начала выяснить, что же такое нация.

На востоке в странах ислама понятие «нация» вообще не действует, здесь существенна принадлежность к данной религиозной конфессии. Различие гражданства, конечно, имеет определенное значение, но у мусульман из Иордании, Ливана или ОАЭ межнациональных трений быть не может. (В этой связи требование лидера Татарии М. Шаймиева, выступившего с традиционалистских позиций, сохранить в новых паспортах графу «национальность», представляется просто недоразумением.)

А как обстоят дела как на Западе? Почти во всех европейских странах понятие «нация» - культурное. Говоря точнее, нация - это язык, на котором человек говорит, и его гражданство. Если, скажем, наш соотечественник переедет в Германию, там свободно освоит язык и получит гражданство, он будет считаться немцем, во Франции его будут называть французом, а в Англии - британцем. В терминологии ООН нация также понимается как согражданство. Аналогичный подход декларировался и в каноническом для всего СССР сталинском определении нации как общности территории, языка, экономического уклада, психического склада.

Однако на самом деле в СССР и в современной России существовало и существует не культурное, а биологическое понимание нации. Национальная принадлежность определяется по крови: не подкачал ли ваш дедушка и все ли в порядке с бабушкой. Биологическое понимание нации, несмотря на его всеобщность в современной России, во-первых, непоследовательно, а во-вторых, порождает не сплочение, но постоянное столкновение и напряжение. Непоследовательность та-

кого подхода вытекает уже из того, что абсолютное большинство россиян не знают своих предков дальше третьего поколения. Что делали наши прародители во времена нашествия хазар, печенегов, половцев, шведов, литвинов, монголов, немцев и т. д. и т. п., ныне неизвестно. Известно лишь, что с доисторических времен из-за постоянных миграций, пленений, военных походов народы биологически перемешивались... При чисто биологическом подходе к пониманию нации, не ясно, можно ли считать А.С. Пушкина гением русской поэзии, В.И. Даля - русским собирателем фольклора, вопросы возникают и к Барклаю, и к Циолковскому, и почти ко всем русским монархам... Этот ряд каждый читатель может продолжать сколь угодно долго. Собственно говоря, в Российской империи национальная принадлежность никогда не играла такой роли, какую она приобрела в СССР: в старой России идентификация происходила прежде всего через вероисповедание.

Изменения, произошедшие в советское время, конечно же, не были случайными. Особая роль национальных отношений в нашей стране связана с рядом обстоятельств. Коммунистическая идеология формировала общество однородным не только в политическом плане, но и по большинству других его характеристик. Идеологи стремились нивелировать социальные различия, сделать людей максимально похожими друг на друга, а значит, легко управляемыми и манипулируемыми. По доходам, уровню образования, стереотипам поведения советское общество превратилось в одинаково безликое, и то небольшое, что КПСС так и не удалось, а может быть, и не хотелось отменить, - это именно национальные особенности и возрастная (между поколениями) специфика. Результатом политики партии стало то, что все разнообразие возникавших в социуме конфликтов приобретало национальную окраску, все остальные артерии и каналы были закупорены. (Расследовавшуюся Т. Гдлянном и Н. Ивановым хлопковую аферу, которую они сами называли кремлевским делом, в прессе тут же окрестили узбекской. Перемещение в начале перестройки республиканских первых секретарей (Кунаев-Кол-бин) вызвало не партийный, а национальный бунт в Алма-Ате...)

Какое отношение сказанное имеет к нашей теме? Прямое. Если социальная структура будет более развитой и дифференцированной, а социальные отношения более демократичными и справедливыми, нации перестанут играть роль козла отпущения, а межнациональные различия не будут такими гипертрофированными. Если проблемы и возникнут, их смогут разрешить напрямую, а не национально опосредованно. Если демократический процесс получит развитие, национальная специфика наверняка уйдет на последний план.

Посмотрим на опыт других многонациональных государств, перейдем в иное политическое пространство. Приведу один пример. О закончившейся в Югославии войне написано столько, что о годах, ей предшествовавших, даже не вспоминают. Однако полезно помнить, что эта война для многих была неожиданной, потому что на протяжении нескольких десятилетий продолжалась устойчивая социальная интеграция, существенные межнациональные конфликты не возникали. Десятки тысяч граждан федерации совершенно добровольно идентифицировали себя не только как сербы и хорваты, македонцы и словенцы, но и как югославы.

Вернемся в Россию. Конечно, дело межнационального сближения очень тонкое, его невозможно искусственно форсировать, можно лишь все испортить. Но если общество и власть сознательно зададутся целью, нет, не сближаться, но только не мешать сближению, просто не создавать ненужных искусственных барьеров и уж ни в коем случае не допускать никакой национальной несправед-

ливости, то в перспективе мы все больше будем чувствовать себя сначала россиянами, а уж потом носителями какой-то конкретной национальности. Надо навсегда запомнить, что в 1991 г. трагический разрыв государства произошел по национальным границам. Прямые выводы из этого обстоятельства вытекают и для нынешнего государственного устройства Российской Федерации.

У нас принято подчеркивать многообразие проживающих народов, хотя надо иметь в виду, что в этом отношении Россия не является страной исключительной и превзошедшей все остальные. Американцам удается относительно успешно разрешать свои этнические проблемы, хотя на территории США мирно уживаются не только представители разных национальностей, но даже всех существующих на нашей планете рас! И при этом каждый гражданин США называет себя американцем. Американцы - пример единой полиэтнической нации, гарантирующей сохранение культурных прав и самобытности своих этносов.

Полезно помнить и собственную историю. Крупнейшие отечественные мыслители - Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев высказывали тезис о всеотзывчивости и всеоткрытости как ключевых чертах русского народа. «Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности?... стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите» (5).

Правда, в прошлом столетии подобные идеи высказывались в основном с ориентацией на внешний мир, на все то, что оставалось вне пределов России. Тем более уместно говорить о возможности внутрirosсийского сближения. Политика территориального расширения страны привела к тому, что в XVI-XVII вв. ее название преобразовалось из Руси в Россию. Тем самым показывалось, что она стала родиной не только русских, но и всех других проживавших на ее территории народов. После этого надо признать, что любая попытка изгнать, выселить, преследовать какую-то национальную группу или группы, участвовавшие в формировании страны, - антипатриотична и направлена на разрушение государства.

Об этническом сближении и сплавивании писали не только Д.М. Достоевский и В.С. Соловьев. Эмигрировавшие и депортированные из страны в 20-е годы ученые обосновывали тезис о сформировавшейся на нашей территории единой общности - евразийцах. Научно-философское движение, чье наследие вызывает интерес и поныне, именно так себя и называло - евразийством. Если в будущем политика сплавивания и интеграции не только территорий и земель (эту задачу уже выполнили наши предки), но и социальных общностей будет продолжена, у нас появится шанс действительно почувствовать себя россиянами, единой нацией, состоящей из множества этносов. К сожалению, в действиях нынешних российских властей не видно почти никаких конкретных программ, направленных на сближение народов России.

Ценностная система, вектор будущего

Построив два интегрирующих вектора - прошлого и настоящего, можем ли мы двигаться вперед? Прозорливый читатель готов задать вопрос ещё поэтов-философов — если начать поступательное движение на том фундаменте, на котором оно

уже начиналось, не придем ли мы к тем же кризису и тупику, к которым и без того пришли, не занимаясь долгими рефлексиями?

Конечно же, необходимо признать, что ценностей, соединяющих нас в социальном пространстве, спланивающих прошлое и настоящее, еще недостаточно для успешного нового движения. Поэтому мы должны рассмотреть третий ценностный вектор-тот, который прокладывает маршрут из настоящего в будущее. Переходя к этой плоскости анализа, мы сталкиваемся с принципиально новой проблемой. Я считаю, что система ценностей, которая предлагается для новой России, будет выведена из анализа нашей истории и культуры. Едва ли всерьез можно отнести ко всякому человеку, который действует по принципу «я тут подумал и решил - все вы должны...» и т. д. Субъективизм - самый нежелательный компонент, когда речь заходит о проблемах общенационального, исторического масштаба.

Однако надо иметь в виду и другое. Если мы постоянно будем отказываться от всего нового, будем искать решение любых проблем только в собственной истории и только в собственном прошлом, будем учиться только на своих ошибках, мы в конце концов исчерпаем себя и не сможем ответить на вызов времени. Нам необходимо не только собрать весь свой прошлый опыт, не только преодолеть трагедию советского коммунизма, но и, набирая обороты, уверенно двигаться вперед. Вперед - это значит, опираясь на собственное культурно-историческое наследие, прокладывать дорогу к рынку и многообразию форм собственности, к свободе и утверждению гражданских прав, к устойчивому государству, гибко реагирующему на запросы различных социальных групп. Здесь невозможно обойтись без учета опыта современных западных демократий, которые многого добились, опираясь на принципы плюрализма и демократии.

Остановимся на вопросе: как возникает плюрализм и почему свобода не является абсолютной ценностью? Начать придется издали, хотя ответ постараюсь дать максимально краткий. Итак, первобытные культуры не знали никакой демократии и не нуждались в ней. Производительность труда была крайне низкой, едва обеспечивающей продолжение и сохранение рода. Человек мог выжить, остаться самим собой, только соблюдая жесткие правила и нормы, ничем не рискуя и никуда не отклоняясь. Хранителями и толкователями правил были вождь, шаман или жрец, которых надо было беспрекословно слушаться. Со временем постепенный рост производительности труда, появление совершенных технологий делали существование человека несколько более уверенным, хотя известная угроза жизни сохранялась. Продолжая свои попытки приспособиться к сложной и опасной реальности и отражая мир в своем сознании, люди создавали мифы, верования, идеологии, на основании которых затем действовали.

Если те или иные правила поведения позволяли некоей общности более или менее стабильно сохранять себя, носители этих правил становились пророками и лидерами. Все остальные стремились наиболее тщательно и добросовестно выполнять указания «номера один». В последующем историческом развитии, если рассматривать его чисто схематично, в самом общем плане, преобладали два процесса. Во-первых, продолжали совершенствоваться технологии, повышалась производительность труда, тем самым запас, резерв устойчивости, гарантия выживаемости человеческих сообществ, а следовательно, и пространство для маневра и эксперимента росло.

Вместе с тем углубляющееся постижение сложности, противоречивости, неисчерпаемости бытия рано или поздно ставило под вопрос всякий казавшийся до-

селе абсолютным и непререкаемым миф или идеологему. Становилось ясно, что пророков нет и не может быть ни в своем, ни в чужом отечестве, рассчитывать на кого-то, кто еще недавно казался всезнающим и всемогущим, нельзя. Поэтому лучше за все отвечать самому и действовать самостоятельно. Если и нести ответственность за ошибки, то за свои, а не за чужие. Иначе говоря, потребность в свободе возникает тогда, когда оказываются поколебленными многие истины, прежде казавшиеся высшими и абсолютными вместе с выразителями этих истин. В не котором смысле свобода - это форма разочарования, это ситуация, когда повзрослевшему человеку стало ясно, как он переоценивал своих духовных отцов, что, к несчастью, ничего особенного они не знали и не знают, и потому свои дела придется брать в собственные руки. При этом переход к самостоятельности и свободе вовсе не тождествен переходу к анархии. В первом случае сохраняется ряд правил и механизмов, позволяющих, учитывая и согласовывая интересы разных людей и разных социальных групп, признавать и сохранять за каждым из них право быть свободными.

Демократия, или плюрализм (эти термины я употребляю как синонимы), - это и есть совокупность правил, позволяющих всем, кто их признают, быть максимально свободными, оставаясь членами определенной социальной общности. Либерализм - это утверждение в обществе духа открытости, самостоятельности, индивидуальной активности. Это преодоление затхлых бюрократических барьеров, без которых номенклатура не может существовать. Либерализм - это свежий воздух, открытое пространство, это торжество свободы, по которой наше общество, отравленное лживостью несостоятельных вождей, так изголодалось. Либерализм - это укорененный плюрализм, т. е. терпимость, толерантность, преодоление враждебности, насаждавшейся номенклатурой по отношению к национальным, профессиональным и иным социальным группам, избранным ею на роль козлов отпущения.

Либерализм предполагает не только сочетание демократии и рынка, он возможен лишь в правовом государстве. В начале перестройки горбачевский партаппарат прямо сформулировал перед страной задачу: необходим переход к правовому государству. Тем самым власть открыто признала, что 70 лет народ пребывал в государстве бесправном, т. е. незаконном. (Каким же издевательством над обществом являлась неспешная индивидуальная реабилитация жертв коммунистических репрессий! Наказания незаконной власти незаконны. Это обстоятельство, давно и глубоко усвоенное российским общественным сознанием, выражается в неизменной народной любви ко всем, кто властями гоним.) Переход к правовому государству не происходит и сейчас. Личные конфликты разрешаются не через суд, а через так называемые криминальные разборки, взятки и подкуп или просто путем вытеснения слабых, не представленных во властных структурах социальных групп. Переход к правовому регулированию, построенному на учете и балансе интересов всех общественных групп, - абсолютно необходимое условие становления и продвижения вперед новой России.

Сделаю здесь два уточнения. Я уже писал, что правовое регулирование никак не вытесняет, а в нашей стране должно дополнить традиционное духовно-нравственное регулирование. Второе уточнение состоит в том, что понятия закон и законность не являются синонимами. Не всякое подписанное номинальным властителем распоряжение является законным. Законно то, что выражает интересы, соответствует интересам, является результатом разумного компромисса между ре-

ально действующими общественными группами. Формирование таких групп у нас не завершено, и об этом я уже говорил. Легитимность самого существующего государства не очевидна. Ведь если в стране нет гражданского общества, т. е. самоорганизованных граждан, и нет действенной правовой системы, то власть является скорее своеобразным диктатом криминальных авторитетов, чем деятельностью ответственных государственных мужей. Вновь обращаясь к проблеме соотношения трех государств - Российской империи, СССР и России (РФ), замечу, что вполне легитимным было лишь первое из них.

Объявив о правопреемстве между возникшим в результате вооруженного переворота нелегитимным СССР и РФ, нынешние власти оказались юридическими правопреемниками того, что себя исчерпало и рухнуло. К тому же сложно говорить о правопреемстве в ситуации, когда произошел отказ не только от формально действовавшей старой конституции, советских символов - флага, гимна, герба, но и от результатов общенародного референдума, проведенного в марте 1991 г. Приняв в декабре 1993 г. года новую конституцию, нынешняя власть фактически продолжила отход от советских норм и законов. В этой связи надо признать, что нынешнее государственное устройство является промежуточным и переходным. Продолжать исчерпавший себя советский опыт невозможно. Начинать после десятилетней Российской истории строительство государства заново в высшей степени неразумно. Выход состоит в том, чтобы в максимальной мере восстановить правопреемство с Российской империей и в максимальной мере преодолеть советскую практику и советский опыт. Подготовка программы такого преобразования - это серьезная теоретическая задача, которую совместно должны решить юристы, историки, философы.

В противном случае долго сидеть на двух стульях - советском и постсоветском — не удастся. Очередное подтверждение этого тезиса связано с проводившимся Госдумой отстранением от должности первого президента. Ельцину вменялись в вину Беловежское соглашение и последовавший за ним распад СССР. Конечно, рассуждение по принципу «развалил страну, неси юридическую ответственность» не лишено логики, но тогда начинать надо с Ленина, подписавшего акт о предоставлении независимости Финляндии, судить организаторов Октябрьского переворота, в результате которого от России отделились Польша и страны Балтии. Вины Сталин и последующие советские руководители, даже не ставившие вопрос о возвращении Финляндии и Польши... Выход из правового тупика состоит в признании советского режима нелегитимным или частично легитимным, возвращении к законам Российской империи и вписывании их в современную ситуацию.

Говоря о векторе, направленном в будущее, о принципиально новом, что следует включить в нашу систему ценностей, надо указать еще на один аспект этой проблемы. Необходимо установить, как теоретически, концептуально этот вектор соотносится с двумя предыдущими. В целом плюрализм не противоречит российской культурной традиции (особенно, если учесть, что все сказанное предстоит соотнести и подчинить четвертому, ключевому вектору, о чем речь пойдет позже). В деталях расхождения и нестыковки возможны.

Мешает ли что-либо утверждению плюрализма на практике? Рассуждения о различных системах ценностей без рассуждений о носителях этих ценностей останутся неполными. Я не намеревался специально останавливаться на проблеме соотношения бытия и сознания, но связь между ними несомненно существует.

Без формирования среднего класса принятие в России либеральных ценностей представляется весьма затруднительным. Перед страной во всей многогранности и остроте встала проблема перехода от номенклатурно-поляризованного государства к обществу со средним классом. Здесь я не указываю путей решения проблемы, но не могу не указать на само ее существование. Повторю лишь, что важнейшим механизмом, работающим на такой переход, может стать создание структур гражданского общества.

К новым проблемам, которые появились во многих странах и стали глобальными, к вектору будущего необходимо добавить проблему экологии. То, что в результате непродуманной, чрезмерной социально-технологической активности в следующем столетии на нашей планете могут закончиться и пресная вода, и кислород, сегодня осознано недостаточно. Причем для решения экологических проблем необходимы не только очищающие и сберегающие технологии. Нужны новая ценностная система, новый тип мышления. В разных странах его называют по-разному - неогуманизм, экологизм... Может быть, с учетом наших традиций, назовем это неоязычеством? О чем идет речь? В современной культуре принято находить, усматривать жесткую грань между человеком и природой - все во имя человека, человек — царь природы, мир отдан человеку в услужение.

Между тем, если взглянуть на модель мира древних язычников, окажется, что в ней есть очень своевременные и глубокие идеи. Существуют не только единые ноосфера и биосфера, Разве не верно, что мир в целом един, человек не царь, а часть природы и мира? Все живое имеет между собой нечто общее, которое, может быть, надо назвать биополем, а может быть, как-то иначе. Можно сделать и более сильное и категоричное утверждение: в этом мире вообще нет ничего абсолютно неживого, все в той или иной мере является одушевленным. Продолжая образное описание средневекового мыслителя Томаса Аквинского, можно сказать, что в траве ползет не просто муравей, а братец-муравей, прямо передо мной растет не дерево, а братец-дерево, лежащий в лесу гранитный монолит-братец-камень... Один излетавших к Луне американских астронавтов утверждает, что видел биополе нашей планеты. Эта идея не является чем-то неожиданным и для отечественной культурной традиции. Она к нам вернулась из дохристианских времен и присутствует уже в культуре XIX - начала XX в. Не об этом ли чеховская «Чайка», арсеньевский «Дерсу Узала»? Еще Н.В. Гоголь высказал удивительную по глубине мысль: наш храм - Россия. А сегодня хочется добавить - и вся планета.

Словом, если эти идеи усваивать с детства (дети и так относятся к окружающему миру как к живому), если это отношение будет хотя бы отчасти сохраняться и дальше, кто же будет разрушать природу, вырубать леса, нарушать естественное течение рек? Нельзя же чувствовать себя комфортно, видя спиленное дерево, но разве можно не чувствовать себя счастливым при виде распутившихся листьев, цветущей яблони? Мне кажется, что такое воспитание помогало бы сохранению природы не менее эффективно, чем многие технологические решения. Вместе с историей и языком здесь находится еще и информационно-образовательный приоритет.

При прокладке вектора будущего необходимо учитывать еще одно важное обстоятельство. Этот вектор обязательно должен быть открытым и готовым к изменениям во времени.

Ценностная система, центральная идея

Как говорится, несмотря на все усилия автора, древо ценностей, похоже, сформировалось. На нем четко определены ветви прошлого, настоящего и будущего. Между тем и в природе и в философии России деревья дают жизнеспособную крону лишь тогда, когда имеют крепкую корневую систему. Потому пора перейти к рассмотрению корневой, центральной идеи новой России.

Со времен правления Ивана Калиты и до середины XIX в. вся история России была историей собирания земель. Конечно, происходил и качественный рост, но главная цель государства реализовывалась через рост количественный. Такая линия развития требовала огромного напряжения и концентрации народных сил. Православие, русская идея многие столетия вдохновляли россиян на расширение территории. Но к середине XIX в. оказалось, что великая империя вышла, наконец, к тем разумным и естественным границам, заняла то пространство, которое действительно способна занимать и осваивать. За создание государства-гиганта была заплачена немалая цена. Историческая задача состояла в том, чтобы понять, когда, в какой момент возможности количественного роста будут исчерпаны. Почувствовав, что эта точка достигнута, Россия с начала прошлого столетия отчетливо стремилась вступить на путь качественных преобразований, а значит, и демократических реформ и конституции.

Но подстерегавшие нас на этом маршруте беды оказались пострашнее жертв, связанных с территориальной экспансией. Нашлись силы, которым удалось опрокинуть российский локомотив, вышедший на исторический вираж. Вместо углубления реформ народ под новыми лозунгами и красным флагом опять выталкивали на экспансию. Миллионы жизней, своих и чужих, несметные ресурсы были отданы зато, чтобы заставить петь «Интернационал» в Китае и Румынии, на Гаити, в Афганистане и Эфиопии, на Занзибаре и в Монголии. Номенклатура стала управлять на третьей части земного шара. Но даже когда через 70 лет затея потерпела полный крах, а родина мирового коммунизма распалась, никто, ни один человек, не понес за это никакой ответственности, а многие и по сей день не признают, что жизни и ресурсы потеряны даром.

Делая вывод из всего произошедшего, Россия должна, наконец, начать третий период своей истории: пройдя этап поиска места, пройдя путь собирания земель, теперь необходимо начать их самое активное обустройство и освоение. И никакой экспансии. Слова «война», «агрессия» необходимо запретить и исключить из нашего лексикона! Время собирать камни пришло еще 150 лет назад, и если сейчас мы не начнем этого делать, можем и вовсе не успеть. Главной составляющей развития должен стать внутренний качественный рост. Дальше откладывать дело обустройства, пытаться в нынешней тяжелой ситуации вести войны и захваты невозможно, ибо к концу XX в., как справедливо замечает А.И. Солженицын, «русский вопрос стоит очень недвусмысленно: быть нашему народу или не быть» (6). Прислушайтесь! Не желаете - посмотрите на соседей. Какой неслыханный дух экспансионизма был в прошлые века у датчан, шведов, но они смогли вовремя остановиться и направить энергию на внутреннее обустройство. 200 лет без войны сделали Швецию сказочно счастливой, обустроенной и обеспеченной страной. Мы имеем, наверное, последний шанс выйти на правильный путь. За нами не только Москва, но вся Россия.

Принять в качестве стратегической формулу «от имперской политики к философии обустройства» означает перейти к глубинным, фундаментальным преобразованиям. Изменения должны затронуть внешнюю политику, которая противоречива, непоследовательна, крайне конъюнктурна. Это признают и сами ее формирова­тели, в частности министр иностранных дел. Многие здесь сохраняются от старых силовых имперских приемов. Расширение НАТО на восток - это западный ответ на продолжение советской имперской политики. Таллин, Будапешт и Варшава устремились в североатлантические объятия не оттого, что у них завелись лишние миллиарды на армию, а потому, что ощущают угрозу Москвы. Достаточно напомнить, что российский МИД не раз угрожал странам Балтии экономической блокадой. Трудно даже представить, какие ощущения могли бы возникнуть в России, если бы ситуация была зеркальной. Провозглашение Севастополя навсегда русским городом, отправка воинских формирований в Таджикистан, перенос пограничных столбов на российско-грузинской границе, обещание вымыть сапоги в Индийском океане - все это звенья одной и той же цепи. Причем эта цепь сковывает нас самих. Сотрясение военными мускулами - совершенно необязательная процедура даже для наиболее богатых и экономически развитых государств. Более того, некоторые из самых развитых потому и добились успеха, что длительное время жестко ограничивали свои оборонные расходы и численность воинских формирований. Так поступают, например, в Японии и ФРГ.

Геополитический интерес России, исходя из принципа обустройства, состоит в том, чтобы никак и ни от кого не отгораживаться, поддерживать взаимовыгодные отношения со всеми, кто вообще на такие отношения может быть способен. Надо работать на создание глобальной стабильной системы разносторонних и взаимовыгодных связей. При этом, конечно, надо помнить, что не все наши соседи одинаково миролюбивы. И если к западу от нас расположены государства демократические, не стремящиеся к каким-то военным действиям, то на юго-восточном направлении - огромная держава, находящаяся не под демократическим, а под коммуно-номенклатурным контролем. В 1996 г. до 5 млн китайцев без виз и документов проникли на нашу территорию и здесь остались, в то время как отток российского населения из Приморья усиливается. Причем общее население Сибири - самой большой и самой богатой полезными ископаемыми части нашей страны — не превышает 30 млн человек.

Таким образом, стратегия качественного роста должна сочетаться с продуманной и гибкой тактикой, но этот вопрос уже выходит за рамки рассматриваемой нами философской проблематики.

Переход к стратегии обустройства внутри страны также означает глубинные изменения. Надо признать, что сохраняющийся государственный механизм и сформированный десятилетиями менталитет чиновничества таковы, что по первому зову они готовы обеспечить выход на защиту неприкосновенных и священных рубежей... Имперский маховик запущен, а экспансии нет, поэтому последние годы он все сильнее и бессмысленнее бьет по своим. Отсюда стали возможны и гражданская война в Чечне, и массовые невыплаты зарплаты и пенсий, поэтому 30 % бюджетных расходов идет на МВД (плюс армия, ФСБ, МЧС...). Поэтому рядовой гражданин бессилен перед властью начальственно-бюрократических структур. Госмашина должна быть радикально преобразована: от всеобщего подавления - к обслуживанию граждан, от тотальной госдедовщины - к созданию условий, при которых каждый конкретный человек почувствует себя уверенно и свободно.

Переход к обустройству означает основательные изменения в экономической стратегии. Учитывая особенности нашей ситуации, власти должны были бы действовать по известной формуле «если нечего дать, дай свободу». Однако на деле происходит обратное. И начинающий и средний предприниматель оказываются подмятыми под госконтроль, а по существу под госрэклет. От властей требуется хотя бы просто не мешать людям, и экономический подъем начнется. Если прекратится гипертрофированное госдавление, 50 % производств выйдут из тени и начнут приносить доходы государству - до чего же это просто, понятно, очевидно и... неприемлемо для нынешней номенклатурно-олигархической системы. Подсчеты, сделанные серьезными западными экономистами, показывают: если налоги снизить до 3—5 %, если Россию на 5-7 лет объявить оффшорной зоной и дополнить эту акцию необходимым пакетом законов, поток поступающих в страну инвестиций составит ежемесячно 15 млрд долл. А ныне внешняя задолженность страны приближается к 200 млрд долл. и инвестиции в народное хозяйство продолжают сокращаться.

Переход к обустройству означает другие приоритеты госбюджета. Народные средства надо, в первую очередь, расходовать на медицину, образование, науку, культуру, коммуникации, строительство, новые технологии и производства, а в последнюю очередь - на силовые структуры и чиновничество. Необходимо создать условия, при которых капитал не будет убегать за границу, а начнет возвращаться, условия, при которых самый дорогой капитал - граждане России (ученые, писатели, актеры, музыканты) перестанут покидать страну, а захотят вернуться домой. Создание атмосферы обустройства - вот требование, которое должны услышать власти, а за реализацию этого требования им необходимо будет отчитаться перед российским обществом.

Переход к обустройству, собиранию камней невозможен без изменений в российском менталитете. Требования к властям уместны и закономерны, но требования надо предъявлять и самому себе. Типичной за последние полвека стала для нас психология временщиков, которую характеризуют известные черты: сделать тляп-ляп, хапнуть и исчезнуть. Именно в советское время распространились понятия «туфта», «халтура» и т. д. Работать на века, поднимать страну для будущих поколений, трудиться для детей, внуков... нам некуда и незачем бежать. И пусть наш дом станет нашим храмом.

Переход к обустройству будет означать, что дилемма западничества и славянофильства наконец снята и разрешена. Западники, устремлявшие со времен Чаадаева свои восторженные взгляды на другую половину Европы, в сущности стремились воспроизвести в России ценности культур отлаженных, упорядоченных, перешедших от экспансии к обустройству на 100-150 лет раньше, чем мы, и достигших на этом пути несомненных успехов. Славянофилы со времен Аксакова ценили не только теплоту и душевность россиян, но и такую организацию нашей жизни, которая обеспечивала традиционную готовность к личному самопожертвованию, расширениям и присоединениям новых земель. В настоящее время программа присоединения перевыполнена, и, если мы хотим жить в достойной наших предков стране, которая к тому же будет привлекательной для нас самих и для наших соседей, нам нужны не новые штыки, а новые идеи, технологии и товары. Синтез славянофильства и западничества - в обустройстве уже собранного!

Собственно, обустройством у нас занимались всегда, но это дело не было главным. Огромная империя позволяла концентрировать не только военную

мощь, но часть ресурсов переключала на создание великого культурного, духовного, интеллектуального потенциала. Неслучайно у нас самые большие и богатые музеи мира, самые крупные научные центры, самые большие и лучшие театры... Обустройством надо заняться всерьез и надолго.

Если мы перейдем к обустройству нашей страны, а ее, кроме нас, никто не обустроит, мы действительно придадим верную направленность идее новой России. 500 лет наши предки искали место, 500 лет шло собирание земель. Что дальше? Наверное, после 500 лет обустройства мы сможем более энергично помочь другим и поддержать других. Экспансия наших идей, культуры, технологии должна навсегда исключить экспансию силы.

Заключение

Подведем итоги. Отвечая на вопрос, что с нами происходит, мы показали, что властвующий класс в СССР и в современной России, с небольшими изменениями, один и тот же - номенклатура. Поэтому никаких принципиальных изменений и улучшений в положении народа произойти не может. Миф о социализме сменил миф о демократии. На смену комидеологии пришла не свобода слова, а свобода от слова. Продвижение страны вперед может начаться только после обсуждения и принятия концепции новой России, после ее разнономенклатуризации и создания гражданского общества.

Логика развития страны обязывает включить в новую систему ценностей следующие составляющие: историософию России, умеренный коллективизм, свободу и равноправие традиционных конфессий, преодоление бремени комидеологии и общероссийскую гражданскую дискуссию о нашем прошлом, родной язык, россиян как новую полиэтническую общность, право, неоязычество, демократию. Центральная идея новой России - идея обустройства, качественного, интенсивного роста.

Примечания

1. Чубайс И. Что такое идейный кризис, или Как России восстановить свою идентичность // Известия. 1998. 17 июня.
2. Соловьев СМ. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
4. Даль В. Пословицы русского народа. М, 1957.
5. Достоевский Ф.М. Пушкин (очерк) // Русская идея. М., 1992. С. 144-145.
6. Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века. М., 1995. С. 108.